

УДК 81-133

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-45-51

Михайлова М.Ю.*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)*

ПРИЁМ ПРОЗОПОГРАФИИ

Аннотация. Показано, что прозопография как приём описания вымышленного существа обладает собственной системой средств выражения. Последняя обнаруживает сопряжённое сосуществование с планом передачи функционально-семантической категорией невыразимого, поскольку значение невыразимого как характеристическая черта имманентно присуще миру трансцендентального. Средства выражения прозопографии распределяются по трём частям, соотносимым с этапами восприятия нового. Вводная часть содержит неопределённые местоимения с аффиксами *не-* и *-то*, последовательно аудиальную (факультативно обонятельную и/ или осязательную) и визуальную лексику, «отрицательные определения». Вводная часть прозопографии способна содержать синтаксические конструкции *то ли..., то ли...; не то..., не то...; не..., не..., а...* Основная часть включает «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода, местоименный субстантиват *оно* в значении 'небывалое существо'. Если в прономинативе *оно* актуализировано значение 'нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое', это – не прозопография. Заключительная часть прозопографии содержит конкретное существительное, нарицательное и/ или собственное, окказиональный субстантиват.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, невыразимое, стилистический приём, прозопография, описания вымышленного существа, описательная лексика, неопределённые и личные местоимения, отрицательные определения, анализ художественного текста, номинативная цепочка.

M. Mikhailova*Samara State Academy of Social Sciences and Humanities*

PROZOPOGRAPHY METHOD

Abstract. It is shown that prosopography as a method of description of a fictional being possesses its own system of expressive means. The system finds the coexistence with the aspect of the transfer of functional and semantic category of inexpressible, because the meaning of inexpressible as a characteristic feature is related to the transcendent world. The means of expression of prosopography are distributed by three parts, correlated to the stages of perception of new. The introduction contains indefinite pronouns with affixes *ne-* and *-to*, consistently audio (optionally olfactory and / or tactile) and visual vocabulary, "negative attributes". The introduction can contain syntactic constructions *to li..., to li...; ne to..., ne to...; ne..., ne..., a...* The main part includes "a kaleidoscope of nominations", various in grammatical gender category, pronominal substantive it in the meaning of 'unknown creature'. If the meaning of it is 'something difficult to verbalize, terrible, inevitable' it is not a prosopography. The final part

of prosopography contains a concrete noun, common and / or proper, occasional substantive. *Keywords:* functional and semantic category, inexpressible, stylistic device, prosopography, description of a fictional being, descriptive vocabulary, indefinite and personal pronouns, negative attributes, analysis of the literary text, nominative chain.

Термин прозопография многозначен. Одно из его значений – это «вид дескрипции, состоящий в описании вымышленного существа (чёрта, лешего etc.)» [6, с. 590]. Очевидно, что дескрипции, описывающие вымышленное существо, обладают спецификой средств выражения, поскольку адресат речи не «знаком» с вымышленным существом эмпирически.

Целью настоящего исследования является изучение плана выражения дескрипций, описывающих вымышленное существо. Названная цель мотивирована общей темой изучения функционально-семантической категории невыразимого в русском языке, которая активно исследуется в лингвопоэтике, в литературоведении и искусствоведении, но ещё не стала предметом специального изучения в качестве самостоятельной функционально-семантической категории в русистике. Материалом для исследования послужили 27 произведений классиков русской литературы XIX в. и современных авторов художественных текстов, беллетристики, литературы для детей и проч. Общее количество словоупотреблений, выявленных методом сплошной выборки, – 240. Осуществлённый нами лингвистический анализ показал, что значительная часть примеров прозопографии соотносится с планом выражения функционально-семантической категории невыразимого – 75%.

При описании вымышленного существа или inferнального образа адресант испытывает необходимость

обратиться к семантике невыразимого, ср. с замечанием Г.С. Сырицы: «невыразимым, по сути своей, является трансцендентный мир, причём неизъяснимыми предстают как божественное начало мира, так и демонические проявления» [7, с. 294].

Семантика невыразимого – это самостоятельная функционально-семантическая категория русского языка, обладающая инвариантом значения и системой средств выражения, представленных на разных уровнях языка (*неописуемый, невыразимый, непередаваемый; ни в сказке сказать, ни пером описать; слов нет* и т. п.). Значение невыразимого как характеристическая черта имманентно присуще миру трансцендентального, в содержательные компоненты которого входят теизм, мир сакрального, мир предков (мёртвых) / загробный мир. В лингвистике семантика невыразимого активно изучается в лингвопоэтике [4; 3; 8].

Осуществлённый нами лингвистический анализ примеров прозопографии, позволил выявить типичные средства описания вымышленных существ, применяемых как план выражения семантики невыразимого. Таковы: 1) неопределённые местоимения с аффиксами *не-*, *-то*; 2) отрицательные определения (*неописуемый, невыразимый, непередаваемый* и проч.) и их дериваты (*неописуемо, несказанное* и проч.); 3) местоименный субстантиват *оно* в значении ‘небывалое существо’; 4) синтаксические конструкции (*то*

ли..., то ли...; не то..., не то...; не..., не..., а ...).

Для удобства характеристики средств выражения подразделяем прозографию на три части: вводную, основную и заключительную. В вводной части дефиниции, описывающей вымышленное существо, как правило, представлены неопределённые местоимения с аффиксами *-то* или *не-*. Вводную часть начинает преимущественно дескриптивная лексика с аудиальным модусом перцепции. К ней факультативно способна добавляться обонятельная или осязательная лексика. Затем следует визуальная лексика.

В основной части прозографии часто присутствует «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода.

В работе применяется удачная научная метафора термин «калейдоскоп наглядно-чувственных образов, отражающих ситуацию» [2]. Речь идёт о смене денотатов в пределе предложения или сложного синтаксического целого. Применительно к нашему языковому материалу справедливо говорить о «калейдоскопе номинаций», различных по грамматической категории рода. Мужской, женский, средний род появляются в основной части прозографии «рондомно». Далее в дефиниции следует особое употребление местоимения *оно* (субстантивированное). И.Е. Шувалова характеризует его как оценочно-модальное [10, с.153].

Лингвистический анализ собранного нами материала показал, что следует различать два лексико-семантических варианта субстантивата *оно*: 1) 'антропоморфное существо' и 2) 'нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое'. В основной части дефиниции

могут быть представлены синтаксические конструкции с повторяющимися союзами *не то... не то; то ли..., то ли..., конструкция не ... и не..., а...* Завершает прозографию номинация существительное. В заключительной части, как правило, представлены имя собственное, окказиональная номинация или окказиональный отадьективный субстантиват.

Типовое развёртывание номинативной цепочки не всегда содержит все названные номинации. Но в целом порядок их следования при описании вымышленного существа именно таков. Показательные примеры содержит беллетристика, которая, как правило, старается придерживаться канонов прозографии, напр.:

(1) *Внезапно на шкафу кто-то противно захихикал (...). Девочка вскинула голову, и тотчас на лоб ей свалился мерзкий вонючий бумажный ком (...). На плечо Тане прыгнуло небольшое противное существо с жирным телом, покрытым жёсткими сальными волосами. У него была крошечная голова с морщинистым лбом, короткие кривые ноги с цепкими пальцами, длинный, голый, розоватый, как у крысы, хвост* (Дм. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас).

Во вводной части (1) представлена аудиальная лексика (*захихикал*), к которой подключается лексика с обонятельным модусом перцепции (*вонючий*) и неопределённое местоимение (*кто-то*). В основной части гипероним *существо* сопровождается визуальной характеристикой (*жирное тело; крошечная голова с морщинистым лбом; розоватый, как у крысы, хвост*).

В современной прозе часто представлен сокращённый вариант номи-

нативной цепочки. Всё же и в этом случае последовательно даётся дескриптивная лексика, передающая звуки, потом визуальная, потом приводятся «странности». Например, в начале сказки С. Юрского сообщается, что старик потерял юмор. Старик пугается, размышляет, слышит «голос», видит темноту, снова слышит нахальный голос.

(2) *А голос как ухнет нахально:*

- Будто ба!

*Гикнулся старик к дверям, да так тетехнулся лбом о притолку, что вспух на лбу **небывалый** синяк. Осветилась от него изба **неземным** ультрафиолетовым светом. Насквозь всё видно стало (...).*

Как видно из примера, «странности» сопровождаются лексемами семантики невыразимого (*небывалый, неземной*). Далее описывается, как старик всё отчётливо и насквозь видит, «будто телескопы на глаза надел».

*А посреди избы – **то ли стоит, то ли в воздухе плавает** – **ОНО** – вроде плотное, а прозрачное, в пиджаке, с плечами и при галстуке, а на длинной голой шее птичья голова. Рукава на рубашке кружевные, из-под них перья. Порты в сапоги запровлены. Один сапог рваный, и из дыры коготь торчит. Когтем **ОНО** себя за щель в полу придерживает, чтоб к потолку не улететь – лёгкое! Покачивается.*

Вымышленное существо часто передаётся в прозопографии графически отмеченным субстантиватом оно. Графическое выделение в подобных случаях есть показатель особого, субстантивного употребления местоимения, см. об этом [5; 9; 10]. В основной части прозопографии приводится конструкция с семантикой приблизительности,

хотя в данном примере она относится не к номинации, а к предикации (*то ли стоит, то ли в воздухе плавает*).

В основной части прозопографии даётся визуальная характеристика вымышленного существа (*в перьях, сапог рваный, коготь торчит*).

Заключительная часть прозопографии представлена нарицательным именем существительным (*чудище*) и собственным (*Птица-Джентльмен Феликс Мария Удадь-Ман*):

*- А чего ещё с тобой делать? – скрипит **чудище**. – Я есть **Птица-Джентльмен Феликс Мария Удадь-Ман**.*

В стихотворении А. Битова «Открытое окно. Переделкино» основная часть прозопографии содержит номинации с отрицанием и сравнительный оборот:

(3) *Как труп я на полу лежал, как в пораженье. Тогда приблизилось **Оно** – не чёрт, не ангел, – как будто бы влетел в окно пришелец наглый (А. Битов. Открытое окно. Переделкино).*

В рассказе для детей В. Постникова «Удивительные похождения нечистой силы» описываются приключения Лешего, Кикиморы, Бабы-Яги в городе у Домового.

(4) *Остаток ночи и весь следующий день вся компания опять проспала дома у Домового. Кикимора даже просыпалась посреди ночи – так ей было страшно. (...). Она вскочила на ноги (...) пошла на кухню пить воду из-под крана. Кикимора отвинтила краник и поставила под кран ладошки, но оттуда вместо холодной воды послышалось какое-то жуткое мычание: ММММММ - УУУУУУУ - ММММММ - УУУУ-УУУУ!!!!!!*

В (4) вводной части прозопографии сначала даётся дескриптивная лексика

аудиального модуса перцепции (*жуткое мычание*).

- Ты чего это носилась по комнате как очумелая? – спросил у Кикиморы Водяной (...)

- Я хотела водички попить, а **оно** как замычит, – оправдывалась Кикимора.

- Кто это – **ОНО**??? – вытаращив глаза, любопытствовал Леший.

В основной части – это местоименный субстантиват *оно*.

В заключительной части прозопографии даётся имя собственное *Водопроводный*:

- Я, кажется, знаю, про кого говорит Кикимора, – отозвался Домовой. Это мой сосед мычал из трубы. Он специалист по трубам. Его – **Водопроводным** зовут. Он плавает по трубам и пугает людей своим мычанием.

Интересен пример из неоконченной повести М.Ю. Лермонтова «Штосс». Прозопография привидения предваряется рассуждением о мире воображения художника:

(5) Не случилось ли вам на замороженном стекле или в зубчатой тени, случайно брошенной на стену каким-нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить их на бумагу! вам не удастся (...). В лице портрета дышало именно то **неизъяснимое**, возможное только гению или случаю.

Следовательно, описание привидения в повести М.Ю. Лермонтова – не просто сюжетный ход, это – постановка важной проблемы экфрасиса, то есть возможности вербального описания произведения изобразительного искусства. Попутно заметим, что

между семантикой невыразимого и лингвистической проблемой экфрасиса – отношения сопряжённого сосуществования.

В эпизоде, предваряющем появление привидения, уже представлены средства выражения семантики невыразимого: «отрицательное определение» *невообразимый* и дериваты отадъективных субстантиватов (*непостижимое, неизъяснимое*). Н.М. Азарова замечает: «Средний род обладает не только семантикой обобщения, но и потенцией абстрагирования как выражения предзаданной идеи. В то же время прилагательные среднего рода являются типологической чертой русского философского текста, особенно первой половины XX в.: *невыразимое, непостижимое, родное и вселенское* и др.» [1].

Во вводной части примера прозопографии (5) сначала слышатся шаги, потом веет холодом. Далее приводится «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода:

Когда дверь отворилась настежь, в ней показалась **фигура** в полосатом халате и туфлях: то был седой сгорбленный **старичок**; он медленно подвигался приседая; лицо его, бледное и длинное, было неподвижно; губы сжаты; серые мутные глаза, обведённые красной каймой, смотрели прямо без цели.

Итак, номинативная цепочка содержит «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода: *фигура* (ж. р.) → *старичок* (м. р.). Далее в прозопографию входит приём употребления безличной конструкции:

- Что вам надобно? – сказал Лугин с храбростью<ю> отчаяния.

- Под халатом вздохнуло.

Безличная форма глагола очевидно коррелирует со средним родом.

Старичок зашевелился на стуле (...).

«Хорошо, – подумал Лугин, – если это **привидение**, то я ему и не поддамся».

«Калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода, продолжается: *старичок* (м. р.) → *привидение* (в мысленной речи Лугина, ср. р.).

Лугин поставил семёрку бубен и она с оника была убита; **старичок** потянул руку и взял золотой. – Ещё талью! – сказал с досадою Лугин. **Оно** покачало головою. – Что же это значит? – В середу, – сказал старичок (М.Л ермонтов. Штосс, 1841).

Таким образом, прозопография в (5) составляет такую цепочку: *фигура* (ж. р.) → *старичок* (м. р.) → *он* (м. р.) → *привидение* (ср. р.) → *старичок* (м. р.) → *оно* (ср. р.) → *старичок* (м. р.).

Изменчивая игра грамматической категории рода в номинативной цепочке активизирует читательское воображение, заставляет читателя следить за развитием сюжета, верить в правдоподобие происходящего, но и не забывать, что старичок – привидение.

Показательным в примере является употребление прономинатива *оно*. Оно не следует за существительным среднего рода (*приведение*), а по смыслу и анафорически соотносится со словом *старичок*. Что это? Авторская небрежность? Безусловно, нет. Это – намеренный приём прозопографии. Это актуализация читательского внимания путём намеренного нарушения по категории рода.

Попутно заметим, что если в основной части прозопографии актуализирован лексико-семантический вариант

субстантивата *оно*: ‘нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое’, а не значение ‘небывалое существо’, то это – не прозопография. Ср. пример сходной цепочки номинаций в концовке романа М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вводная часть описания содержит неопределённое местоимение, синтаксическую конструкцию с отрицанием (*нечто; не то ливень, не то смерч*):

(6) *Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч нечто неслось на город: не то ливень, не то смерч.*

Основная часть описания – аудиальная лексика (*грохоча, гудя и стенья; какие-то глухие, каркающие звуки*). Местоименный субстантиват *оно* графически отмечен.

Полное гнева, ОНО неслось, бурвя землю, грохоча, гудя и стенья и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было ещё не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели (...).

В прономинативе *оно* актуализировано значение ‘нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое’. Это не вымышленное существо; под сказкой природного толкования описания являются аудиальная и визуальная характеристика: обычно так изображают грозу. Конечно, М.Е. Салтыков-Щедрин намеренно допускает диффузное употребление субстантивата *оно*, что порождает множественность толкований. Применительно к такому употреблению прономинатива *оно* правомерным будет замечание Н.М. Азаровой, сказанное по другому поводу: «Средний род концептуализируется как нечто вне пола, но и, что не менее важно, вне одушевлённости»

[1]. В заключительной части дескрипции не содержится ни конкретного нарицательного или собственного имени существительного, ни окказионального субстантивата:

Оно пришло...

Следовательно, такое употребление субстантивата *оно* нельзя отнести к приёму прозопографии, хотя последовательность развития дескрипции является сходной. Различие здесь содержится в актуализации разных лексико-семантических вариантов прономинатива, что обусловлено, в свою очередь, текстовым заданием.

Осуществлённое нами исследование плана выражения дескрипций, описывающих вымышленное существо, показало, что приём прозопографии содержит собственную систему средств выражения, которая обнаруживает сопряжённое сосуществование с планом передачи семантики невыразимого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азарова Н.М. Поэтическая грамматика Айги. К преимуществам межъязыкового мышления [Электронный ресурс]. - http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi (дата обращения: 16.07.2015).
2. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 168 с.
3. Гаврилова М.В. Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 297-305.
4. Заика В.И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород: Новг. гос. ун-т, 2006. 407 с.
5. Косицкая Г.Г. Графически маркированные местоимения в языке художественной прозы Л. Леонова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972. Вып. 1. С. 138-151.
6. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.
7. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки в современном мире. М.: МГУ, 2009. С. 294-295.
8. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном смысле. Лингвопоэтический аспект. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 160 с.
9. Фёдоров М.Л. Местоимения, выделенные курсивом, в лирике Ин.Анненского // Русская речь. 2005. № 4. С. 15-21.
10. Шувалова И.Е. К вопросу о субстантивации местоимений в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43. Филология. Искусствоведение. Вып. 39. С. 153-158.